

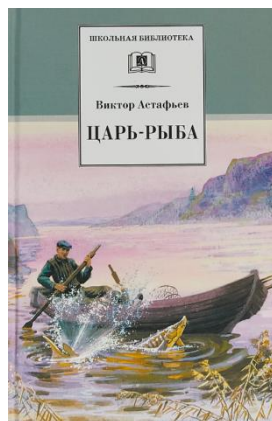
«Он и есть несгибаемый человек. Гнется он только перед Богом в молитве – вот это положительный пример для всех его собратьев по казарменному несчастью. Так думали красноармейцы каждый по отдельности, каждый из тех, кто еще не совсем разучился думать, сопротивляться тому, что навалилось на него тяжким недугом или злой несправедливостью жизни и судьбы».

«Не может же такой пресветлый, так приветно сияющий мир, который еще недавно звался Божьим, быть ко всему и ко всем недобрым, безразличным, пустым, почему в нем должно быть все время напряженно, тревожно, зло, ведь он не для этого же замыслился и создавался...»

«Люди тогда старомодные были, в Бога веровали, не бросали друг дружку в беде, не предавали похода».

«Но для того чтобы до конца это осознать, понадобится нахлебаться досыта грязи, испытать гнетущий груз одиночества, походить под смертью, чтоб после наверняка уж себе сказать: у мужчины бывает только одна женщина, потом все остальные, и от того, какая она будет, первая, зависит вся последующая мужичья судьба, наполненность души его, свойства характера, отношение к миру, к другим людям, и прежде всего к другим женщинам, среди которых есть мать, подарившая ему жизнь, и женщина, давшая познать чувство бесконечности жизни, тайное, сладостное наслаждение ее».

(«Прокляты и убиты»)

«Но так уж устроен человек: пока он жив – растревоженно работают его сердце, голова, вобравшая в себя не только груз собственных воспоминаний, но и память о тех, кто встречался на роستانях жизни и навсегда канул в бурлящий людской водоворот либо прикипел к душе так, что уж не оторвать, не отделить ни боль его, ни радость от своей боли, от своей радости».

«Много любви за жизнь получишь и отдашь, да хорошо, пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжелым хрустом и долгим выдохом...»

«На дровах, на одежде, на сухостоинах и на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали, светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блеску света, но, слившись вместе, эти блески заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг, и вроде бы впервые за четверть века, минувшего с войны, я, не зная, кому в этот миг воздать благодарность, пролепетал, а быть может, подумал: «Как хорошо, что меня не убили на войне и я дожился до этого утра...» («Царь-рыба»)

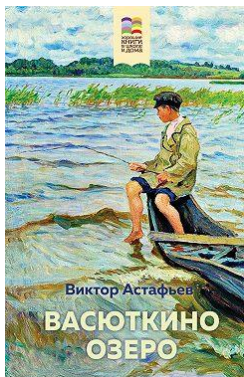
МБУ «ЦБС Стерлитамакского района» Межпоселенческая центральная библиотека Методико-библиографический отдел

Цитаты из произведений

к 100-летию со дня рождения В. С. Астафьева

«Он писал для того, чтобы читатель сумел услышать боль каждого», - М.Дудин.

«Васютка еще не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто».

«— Нету нам нынче фарту, — ворчал Васюткин дедушка, Афанасий. — Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придет время — ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать»

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!»

«На районной карте появилось еще одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко, всего с булавочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка. Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих клясочек есть та, которую именуют Васюткиным озером».

(Васюткино озеро)

«Муж и жена. Мужчина и женщина. Сошлись. Живут. Хлеб жуют. Нужду и болезни превозмогают. Детей, а нынче вот дитя растят. Одного, но с большой натугой, пока вырастят, себя и его замают. Плутавшие по земле, среди множества себе подобных, он и она объединились по случаю судьбы или всемогущему закону жизни. Муж с женою. Жениcina с мужчиной, совершенно не знавшие друг друга, не подозревавшие даже о существовании живых пылинок, вращающихся вместе с Землею ... в непостижимо-громадном пространстве

мироздания, соединились, вот чтоб стать родней родни, пережив родителей, самим испытать родительскую долю, продолжая себя и их».

«А на Руси Великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной, и рождается он чаще всего покорностью нашей, безответственностью, безалаберностью, желанием избранных, точнее, самих себя зачисливших в избранные, жить лучше, сытей ближних своих, выделиться среди них, выцелкнуться, но чаще всего — жить, будто вниз по речке плыть».

«Он оценил ее жертву и в себе обнаружил ответную способность прощать — неужто и впрямь несчастье сделалось лучшим средством самовоспитания?»

(Печальный детектив)

«Деревенская фотография — это своеобразная летопись нашего народа, настенная история его».

«Прошли годы. Многие годы минули. А я таким вот и помню деревенского учителя: с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперед и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь».

«Хорошо-то как! Ястреб купается. Дед на каменном бычке стоит, забылся, лето в шуме, суете и нескучных хлопотах подкатило. Каждая пичуга, каждая мошка, блошка и муравьишка заняты делом. Ягоды вот-вот пойдут, потом грибы, потом картошка поспеет, хлеб, огородинка всякая из гряд пойдёт — можно жить на этом свете!»

«Над дверцей, к которой ведёт белый от куржаса тоннель, завешанный нитками белой бахромой, я замечаю сосульку. Махонькую сосульку, с мышинный хвостик величиной, но на сердце у меня сразу чего-то шевельнулось мягким котёнком. Весна...»

(Конь с розовой гривой (сборник))